

Эдуард Тинн

Консерватизм русской элиты и катаклизмы российской истории двадцатого века*

В последнее время в России любят спорить на тему – что важнее – экономическая или военная мощь страны. Вот, мол, Царская Россия занимала по экономическим показателям 5-е место, и если бы не было революции, то Россия могла бы стать в экономическом плане второй страной в мире. Да и в военном плане Россия могла бы быть среди стран победителей, если бы не этот проклятый 17-й год. Вспомним хотя бы победы генерала Юденича на кавказском фронте. Мне кажется, что революция в России была неминуема, просто современные аналитики, как правило, не учитывают рядом с экономическим и военным аспектом еще один важнейший аспект или обстоятельство тогдашней российской действительности – речь идет о том, что в России перед Первой мировой войной почти семьдесят процентов населения были безграмотны.

Царская Россия – страна с чудовищным внутренним расколом и раздвоением. С одной стороны – 20 процентов европейской России, России с великой культурой и с высокой самооценкой. А с другой стороны – безграмотная крестьянская Россия, которую русские историки называют и «новой степью», это уже не монгольская степь, это новая взрывоопасная степь разиных и пугачевых, которая, конечно же, несла в себе азиатчину, до 20-го столетия непобежденную азиатчину. Напомню, что после победы над монголами московская Русь во многом была и московским ханством – то есть приняла от монголов их модель управления страной. В XX веке восемь человек из десяти называли остальных двух баринами. Перед нами противостояли друг другу два мира.

В том, что Россия оставалась в начале двадцатого столетия в такой взрывоопасной ситуации можно винить лишь русскую элиту и никого кроме нее. Большинство русской элиты оставалось в течение предшествующего девятнадцатого века излишне консервативным и недалеким. Страх перед степью, перед русским мужицким бунтом не позволял реформировать страну. Безграмотные мужики ведь были, если необходимо, хорошими солдатами, да и страну хлебом накормить были в состоянии. Чего же еще? В России не возникло настоящего гражданского общества и среднего класса. Великий Петр Столыпин со своими реформами опоздал. А большая часть русского дворянства в начале двадцатого века была еще старомодно-феодальной и мало что понимала в бизнесе. В песе

---

* Некоторые положения статьи не соответствуют мнению редакции – *прим. ред.*

Вишневы сад Чехов великолепно передает ментальность дворянства; в детальной планировке они мало что понимали и были уверены, что бизнес дела – это сфера купеческих мужиков. В русской элите выделялись две крайности – одни верили, что как предкам, так и им удастся удержать мужика в послушании. Верилось, что против авторитета царя и православной церкви мужики не пойдут. Как видите, это была иллюзия. Другая часть элиты отличалась радикализмом и всячески способствовала тому, чтобы в России начался революционный пожар. Поражения своей армии желали не только во время Первой мировой войны, но уже и во время русско-японской войны. Жажда гражданской войны – вот что толкало радикалов вперед. Гражданскую войну Россия получила. И не надо удивляться, что красные победили белых – их было ведь намного больше, за ними пошли массы. Не стоит забывать, что красными руководили пугачевы с высшими образованиями во главе с Ульяновыми Ленинами.

В начале двадцатых годов возникал, разумеется, простой вопрос – долго ли протянет страна под руководством большевиков? Все казалось ужасным – старую элиту почти что уничтожили или она оказалась за границей, население в основе своей безграмотно, общечеловеческая мораль и православная церковь канули в лету. А во главе пролетарской страны (пролетариев было в России 3-4 процента) орудовали, по сути дела, мафиозники. Правда, надо признать, что очень даже образованные мафиозники. Советы устояли. Безграмотность, по крупному счету, ликвидировали. Большевикам хватило ума завозить в страну немецкую технологию и американские заводы. Руководство страны сумело сформировать новую советскую техническую интеллигенцию, представители которой в большинстве своем были детьми безграмотных родителей. Но именно они смогли в сороковых годах создать военную технологию мирового класса. Как ни парадоксально, но несмотря на осуществленный радикальный переворот советская Россия была все-таки европейской страной. И дело тут, конечно же, в марксизме, который был западным учением и объективно закреплял связь с Европой. То, что т.н. русский марксизм (марксизм-ленинизм) имел на самом деле не так уж много общего с аутентичным учением Карла Маркса, вопрос отдельный. Вклад после-революционной Россией в мировую литературу и искусство был значительный (особенно в двадцатые годы, пока партии большевиков было не до искусства). Мастера искусства начали творить свои выдающиеся произведения:

Эйзенштейн и Дзига Вертов в кино, русские конструктивисты, дизайнеры и представители художественного авангарда в своей области, в театральном искусстве бесспорным является вклад Станиславского, Мейерхольда и Вахтангова. Слава российской музыкальной культуры немыслима без имен Шестаковича и Прокофьева, не говоря о десятках поэтов, писателей, актеров высочайшего международного уровня.

Советский Союз был целостным и любопытнейшим явлением. А в каждом явлении есть свои плюсы и минусы. О последних – сталинизме, ГУЛАГе, преступлениях и репрессиях, об обществе страха и т.п. – говорится и пишется в послед-

нее время постоянно. Правда, в последнее время пишут и о Сталине как «удачном менеджере». Но сейчас речь о другом. Революционеры ведь выдвинули идею создания на земле социально справедливой, социалистической модели общества. И эта модель рассматривалась как альтернатива капитализму. Советский Союз не смог доказать правоту своей социалистической модели общества. Ее погубила, как не странно, опять-таки Революция. Да, русские пережили в двадцатом веке и четвертую революцию – когда из т.н. социализма двинулись бодрым шагом в капитализм. Такого эксперимента мировая история до этого еще не знала. Кто допустил революцию и кто виноват в этих катаклизмах, нахлынувших на Россию и ее людей в начале девяностых? Ответ прост – как и перед семнадцатым годом, так и перед девяностым русская правящая элита, как царского, так и советского времени не оказалась на высоте. Консерватизм элит и на данной стадии исторического развития не позволял реформировать страну.

Корни русского консерватизма, как мне кажется, следует искать в принципах, властвующих в Московской Руси. Что касается Киевской Руси, то ее принципы выглядят симпатичнее: правовое государство, *Русская Правда* Ярослава Мудрого, право частной собственности на землю, уважение к грамотности и умение находить общий язык с другими странами. С консервативным наследием миропонимания московской Руси кто-то соглашается, кто-то нет. Но то, что советская элита не доверяла своему народу, не уважала личность – это бесспорно. Классики марксизма утверждали в *Манифесте коммунистической партии*, что «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Т.н. советские марксисты не уважали интересы каждого, они обещали осчастливить всех сразу, одним махом. Страна, которая амбициозно заявляла, что она принесет свободу всему миру, всему прогрессивному человечеству – не смогла в течение семидесяти лет накормить свой собственный народ. Консерватизм в вопросах сельского хозяйства был вопиющим. Догматики боялись разноукладного труда на земле, держались лишь за колхозы и совхозы, держали крестьян, как крепостных без паспортов. Опыт других стран не учитывался. Да и то, что и в Киевской Руси было право частной собственности на землю и Петр Столыпин пытался развивать в России фермерство – все это утаивалось. Вся земля ведь должна была в далекие времена принадлежать Хану. При Советах – государству. Но качественно управлять этой государственной землей что-то не получалось.

Когда-же в советской науке, несмотря на бесспорные достижения, началось отставание от Запада? Несмотря на то, что на начальной стадии не признавалась генетика и кибернетика, советская наука, в общем-то, еще выдерживала гонку с конкурентами. Проблемы возникли в связи с началом инфо-технологического освоения мира. Стало ясно, что закрытая модель общества торпедировала научное развитие. В короткий отрезок времени было возможно развивать науку под руководством товарища Берии в условиях несвободы. Но наука требует свободы, без определенного уровня свободы невозможны крупные достижения в этой сфере человеческой деятельности. Стратегические интересы страны не требова-

ли открывать одним махом границы для всех людей и устраивать вакханалию Свободы, нет, реформировать страну следовало постепенно шаг за шагом, а для науки открывать границы. Надо было дорожить завоеваниями советской эпохи в социальной сфере и ни в коем случае не выпускать из рук бразды правления страной. Да, надо было умело брать из капитализма все лучшее. И осуществить теорию конвергенции в 70-80 годы было вполне мыслимо. Социализм и должен быть с человеческим лицом. Но раз СССР строил альтернативный тип общества, то надо было бороться за свой путь. Но для этого надо было иметь мозги, а руководители страны оказались не на высоте. Были консерваторами и догматиками. Ведь СССР смог создать не только мощную военную технологию, но и образованного, исходящего из гуманистических ценностей человека и соответствующее этому человеку достойное искусство.

И вот в 80-годы появилась идея, что следует сдать Запад, ибо имеется лишь один, капиталистический путь развития. СССР при новых революционерах добровольно лег под Западом, поверив в свою никчемность. Капиталистическая революция в начале прошла вроде бы без крови, но скоро будет и кровь, и обнищание масс, и беспризорные дети, и олигархи, и бандитизм, и падение морали, и т.п. Но самым главным, пожалуй, стало то, что у народа отняли веру в себя и во всякую справедливость. Как не парадоксально, товарищи М. Горбачов и Б. Ельцин оказались революционерами русской капиталистической революции. Наивность русских революционеров была невероятной. В заключение надо констатировать, что развиваться следует без революции. А элита страны обязана быть творчески модерной и нести ответственность за свою отчизну.